

РОБЕРТ БИКТИМИРОВ

КОД ДРЕВНИХ

— КНИГА 2 —

САХАРА

КОГДА ПРОШЛОЕ ХРАНИТ КЛЮЧ К БУДУЩЕМУ

Роберт Биктимиров
Код Древних: Сахара

«Автор»

2026

Биктимиров Р. А.

Код Древних: Сахара / Р. А. Биктимиров — «Автор», 2026

Двадцать лет она считала отца мёртвым. Пока не получила его рукопись. Живую. Свежие чернила. Из места, куда он исчез. Сахара хранит то, что не должно было сохраниться. Под песком — не руины. Не история. Что-то, что до сих пор работает. Анна Ветрова и Сергей Мельников снова в пути. На этот раз — туда, откуда не все возвращаются. Код Древних. Книга 2: Сахара. Некоторые тайны не ждут, пока их найдут. Они сами выходят на свет.

© Биктимиров Р. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВЫЗОВ	6
Глава 1. Записка	6
Глава 2. Звонок	9
Глава 3. Нуакшот	11
Глава 4. Андре	13
Глава 5. Первое кольцо	15
Глава 6. Центральный холм	18
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПУСТЫНЯ	20
Глава 7. Сто восемь герц	21
Глава 8. Коридор. Зал	23
Глава 9. Второй выход	26
Глава 10. В самолёте. Касабланка	28
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СЛЕД	29
Глава 11. Три дня в Касабланке	31
Глава 12. Стамбул. Таши	33
Глава 13. Каир	36
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ЕГИПЕТ	38
Глава 14. Под Гизой	38
Глава 15. Нора	40
Глава 16. Разделение	42
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. АРАВИЯ	44
Глава 17. Салем	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Роберт Биктимиров

Код Древних: Сахара

КОД ДРЕВНИХ

Книга 2

САХАРА

Роберт Биктимиров

© Роберт Биктимиров, 2026

Все права защищены

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВЫЗОВ

Глава 1. Записка

Она ушла в четыре утра.

Сергей не слышал — крепко спал впервые за несколько недель, и это имело значение. Ная дождалась той ночи, когда он наконец не ворочался. Когда не лежал с открытыми глазами, гоня в голове спутниковые снимки и чужие координаты. Дождалась покоя — и только тогда ушла.

Он проснулся от отсутствия.

Не от звука — от его отсутствия. Другое качество воздуха: плотнее, тяжелее, как будто пространство изменилось, пока он спал. Сергей открыл глаза и ещё до того, как успел подумать — уже знал. Посмотрел на подушку рядом. Она была аккуратно расправлена. Ная никогда не расправляла подушку, когда вставала по своим делам.

Никогда.

Он встал. Прошёл по дому — деревянные полы скрипели под ногами, воздух пах лемонграссом и чуть — морем, как пахнет ранним утром в Ча-аме, когда рыбаки ещё на воде. Её сумка исчезла со стула у окна. Старые сандалии — те, что для рынка — стояли у двери аккуратно. Новые, купленные в прошлом месяце, — нет.

На столике у веранды лежал листок. Рядом — её старый телефон в розовом чехле. Знак без слов: не жди звонка. Просто прочитай.

Почерк маленький, аккуратный — она всегда писала так, словно берегла место на листе, как будто слова стоили дорого.

«Тяжело прощаться. Когда вернёшься — обязательно найди меня.»

Больше ничего.

Перечитывал. Не потому что не понял с первого раза. Потому что когда слов мало — читаешь снова, как будто в следующий раз найдёшь то, что пропустил. Не нашёл. Там было ровно то, что было написано.

Над листком — пауза. Тело не шло дальше. Что-то в горле. Сглотнул. Не помогло.

Взял её телефон — розовый чехол, тёплый ещё от руки. Или это казалось. Он держал его секунды три, потом положил обратно точно так, как она оставила.

Она умела так — говорить ровно столько, сколько нужно, и ни слова больше.

Он вышел на веранду. Море за пальмами светлело — из чёрного в серое, потом в белёсое, потом в розовое на краях. Ранние птицы перекрикивались в ветвях. Запах отлива, влажного песка и водорослей. Обычное утро Ча-ама, которое не знало и не хотело знать, что здесь что-то закончилось.

Ная не попросила остаться. Никогда не просила. Это тоже была форма уважения.

Сложила вещи тихо, пока он спал. Вышла через пальмовый сад — он слышал, как скрипнула калитка, но принял за сон. Взяла первый автобус на Бангкок. Ушла первой — чтобы ему не пришлось уходить последним. В ней это было — делать тяжёлые вещи с такой точностью, что боль от них была другой. Не острой. Медленной. Той, что остаётся надолго и не кричит — просто присутствует.

На веранде он просто дышал. Вдох — пауза — выдох. Как когда не знаешь, что делать дальше, и тело берёт управление на себя.

Сергей аккуратно сложил листок вчетверо. Подержал в руках — бумага хранила температуру её пальцев. Убрал в нагрудный карман рубашки — туда, где стучит что-то, что ещё не успело замолчать.

Открыл ноутбук. Написал Анне: «Вылетаю завтра. Скинь контакты в Нуакшоте.»

После Тибета он дал себе слово: больше таких историй. Тех, которые потом не отпускают. Где граница между журналистикой и чем-то другим стирается, и ты уже не знаешь — работаешь или живёшь. Три месяца в Ча-аме — это был детокс. Нормальная жизнь. Ная, закаты, лимонграсс.

Он нарушил слово через шесть месяцев. Это был рекорд.

Ответ пришёл немедленно — она не спала.

— Уже отправила. Ты в порядке?

Три слова. Анна умела задавать вопросы так, что отвечать на них по-настоящему было труднее всего остального.

— Да. Всё нормально.

Закрыл ноутбук. Пошёл собирать вещи.

Три месяца до этого Ча-ам выглядел решением.

Не Паттайя, не Пхукет — Ча-ам. Тихий, запылённый, с рыбным рынком по утрам и отсутствием причин задерживаться — именно поэтому здесь так хорошо задерживаться. Место без достопримечательностей, куда ездят отдыхать бангкокцы, а не туристы с фотоаппаратами.

После прошлого года — после Тибета, после того, что они с Анной нашли и что сломало его картину мира так, что собирать обломки он ещё не научился — Сергею нужно было это место. Не красивое. Настоящее. Без истории, без значения, без необходимости что-то с ним делать.

Он снял маленький дом у рыбака, который уехал к родственникам на север. Дощатые стены, вентилятор на потолке, сад из четырёх пальм. По утрам на рынке покупал то, что было. По вечерам сидел на веранде — закатное небо превращалось из оранжевого в красное, потом в лиловое, потом в чёрное с первыми звёздами. Писал туристические тексты для журнала. Платили не очень. Хватало.

Наю он встретил на рынке в первую же неделю. Она стояла перед прилавком с манго и торговалась с таким серьёзным видом, что продавец сначала опешил, потом засмеялся. Круглолицая, в свободной белой рубашке, волосы убраны назад.

— Ты тоже думаешь, что я права?

Она спросила это, не оборачиваясь. Как будто знала, что он стоит рядом.

— По существу — да. По цене — зависит от того, насколько он дорожит репутацией.

— Дорожит. Поэтому продаст.

Она оказалась права. После этого они пили кофе — потому что пошли в одну сторону. Переводчик, японский и английский, дистанционно. Живёт там, где хочет.

Они не договаривались видеться снова. Виделись — на рынке, у моря, в одной и той же закуской по пятницам. Потом её вещи незаметно оказались у него. Потом они сняли один дом — побольше, с двумя комнатами и верандой.

Он учился у неё несколькими вещам. Быть рядом без слов. Молчание тоже бывает разговором. Резать лимонграсс правильно — он всегда резал слишком крупно, она показывала снова и не злилась. Смотреть на закаты как на что-то само по себе важное, а не как на фон к мыслям.

Это и была нормальная жизнь. Он понял это уже потом — когда она закончилась. Пока она была — казалась просто жизнью.

Примерно с февраля он стал замечать: открывает спутниковые снимки Мавритании, когда думает, что проверяет почту. Засыпает с мыслями о трёх концентрических кольцах, видимых только с воздуха.

Ная видела. Не говорила ничего — видела.

Сообщение от Анны пришло в четверг вечером. Они ужинали на веранде, море было слышно — тихое, ровное. Телефон завибрировал на краю стола.

— Ты поедешь, — сказала Ная. Не спросила.

— Не знаю ещё.

— Хорошо.

Потом подумал: ложь. Знал с первой секунды. Просто не хотел произносить вслух.

Через семь дней он написал Анне: «Еду». Ночью лёг и решил сказать Нае утром — по-честному, с объяснениями.

Утром её не было.

Листок. Телефон в розовом чехле. Старые сандалии у двери — новые забрала.

В боковом кармане рюкзака он нашёл маленького деревянного слоника — хобот строго вверх. Они купили его вместе на рынке. Она оставила — он не знал разницы, и в этом незнании было что-то важное.

Взял слоника. Положил в нагрудный карман рядом с листком.

Вышел из дома. Поймал такси.

Глава 2. Звонок

Первый раз Анна позвонила неделю назад.

Поздно вечером по его времени — значит, глубокая ночь у неё. Незнакомый номер завибрировал на экране. Сергей не взял. Знал: этот разговор что-то изменит. Переложит центр тяжести туда, откуда его будет сложно вернуть обратно.

— Прости, занят. Завтра?

— Конечно. Когда удобно.

Следующие семь дней он не перезванивал. Однажды открыл её имя в телефоне — подержал в руке, убрал в карман. Нечестно — он понимал.

На восьмой день он лежал на мелководье. Вода у берега была тёплой и прозрачной — видно дно, маленькую рыбёшку у водорослей. Над головой — синева без единого облака.

Написал Анне: «Позвони, когда удобно.»

Ответ — через две секунды. Она ждала.

— Три недели назад мне пришёл пакет, — сказала она без предисловий. — Из Нуакшота. Без обратного адреса. Внутри — восемнадцать страниц рукописного текста.

Он ждал.

— Это почерк отца.

Прибой. Горячий песок под ладонями.

— Ты уверена?

— Он писал левой рукой. Наклон вправо. «Д» — почти как печатная. Я выросла, глядя на этот почерк. — Короткая пауза. — Да. Уверена.

— Что там?

— Полевые записи. Показания магнитометра, координаты, зарисовки рельефа. Профессиональный дневник — никакого личного. Данные. — Голос ровный — но Сергей слышал, чего это стоит. — И последняя страница. Чистая. Посередине одно слово, крупно, с нажимом. «Ришат». И под ним — координаты конкретной точки.

Он выдохнул. Волна шла к берегу — он чувствовал её движение спиной ещё до того, как она дошла.

— Его экспедиция исчезла в Мавритании.

— В трёхстах километрах от структуры. Я знала, что в Сахаре. Точный район — нет. До сих пор.

— Кто прислал?

— Почтовое отделение Нуакшота. Наличные. Мужчина средних лет в местной одежде — описание подходит к половине города.

— Ловушка, Анна.

— Может быть.

— И всё равно едешь.

— Это его почерк.

Волна накрыла ноги. Тёплая.

— Пришли сканы.

— Уже отправила. Пока мы говорим.

Восемнадцать страниц. Почерк — мелкий, быстрый, левша с наклоном вправо. Показания приборов, время, координаты. Зарисовки рельефа — быстрые, точные. Последняя страница: «РИШАТ». С нажимом — карандаш продавил бумагу. И под словом — строчка координат.

Сергей запомнил их сразу. Привычка, выработанная в нескольких экспедициях: запоминать на случай, если потеряешь всё остальное.

Он вернулся к дому. Ная сидела на веранде с чаем.

— Едешь, — сказала она.

— Ещё не решил.

— Хорошо.

Следующие шесть дней.

Снимок на экране: три кольца в Сахаре. Геометрия — слишком правильная. Он возвращался к нему по пять раз в день. Это было узнаваемое ощущение — как зубная боль. Не острая. Постоянная.

На четвёртый день Анна прислала голосовое: «Компас давал сильное отклонение. Это последняя запись папы». Он прослушал три раза — не слова искал, интонацию. Её голос держал это двадцать лет. Был ровным.

Ноутбук светился в три ночи. Ная спала за стеной. Он сидел с кружкой, которая давно остыла, и читал технические данные про магнитные аномалии — то, в чём ничего не понимал. Это тоже было знакомо: когда история начинает тебя брать, ты начинаешь читать всё подряд, даже то, что не для тебя.

Написал Анне: «Еду.»

Потом — Нае. Открыл новый чат. Написал: «Уезжаю на несколько дней. Вернусь».

Она ответила через три минуты: «Слоник уже смотрит тебе вслед».

Он улыбнулся. Ная умела это — сказать точно и без давления. Просто — слоник смотрит вслед. Этого было достаточно.

Отправил. Положил телефон экраном вниз.

Ответа не ждал — просто лёг. Ная спала рядом. Он лежал и слушал её дыхание и шум моря за окном.

Анна Ветрова, тридцать семь лет. Отец пропал, когда ей было семнадцать. Двадцать лет ищет. Знает: он там.

Он лежал и думал. Он написал десятки репортажей о людях, которые что-то ищут. Геологи, криминалисты, родственники пропавших. Научился отличать: у одних — надежда, которая уменьшается с каждым годом. У других — знание, которое не зависит от результата. Анна — вторые. Это был очень редкий тип. И очень дорогой тип, потому что у таких людей нет запасного варианта.

Ная спала рядом. Её дыхание было ровным и спокойным — как всегда. Она умела спать так, как будто мир вокруг не имеет ничего против.

Глава 3. Нуакшот

Мавритания встретила жарой — прямой, без предупреждения, без времени привыкнуть. Не тайская влажная духота. Там воздух был как горячее полотенце — давил, но дышал. Здесь — как раскалённый металл. Сухой, острый, мгновенно вытягивающий влагу из кожи. Сергей вышел на трап и остановился: небо белёсое, выцветшее — не синее, а как будто солнце выжгло из него цвет ещё в апреле. Асфальт у горизонта дрожал. Ноздри — мгновенная сухость, пыль, что-то горькое и минеральное.

Анна ждала у выхода из таможни.

Он не видел её несколько месяцев. Что-то в ней изменилось — не внешне. Из неё убрали всё необязательное. Осталось то, что нужно для конкретного дела. Тёмные круги под глазами — не от бессонницы, а от того, что человек годами живёт в режиме ожидания и разучился из него выходить.

У него сжалось что-то в груди — не жалость. Что-то вроде стыда, что он три месяца ел роти и дышал морем, пока она вот так жила.

— Похудел, — сказала она.

— Привет тебе тоже.

Они обнялись — коротко, крепко. Как обнимаются люди, которым не нужен ритуал — просто факт присутствия.

Машина — старый Land Cruiser, выцветший до неопределённого серо-бежевого. Антенна примотана к крыше изолентой. Задний бампер держался на чём-то, явно не предусмотренном заводом. Зато резина — новая, хорошая. Правильные приоритеты.

За рулём — мавританец лет пятидесяти. Крупный, руки на руле лежали спокойно и тяжело — руки человека, который провёл за рулём в пустыне тысячи часов. Телефон убрал в бардачок. Человек, привыкший к местам без сигнала, давно перестал ждать от телефона чего-то полезного в дороге.

Рядом с ним — термос, примотанный к ручнику изолентой. Потёртая чётка на зеркале заднего вида — не для молитвы, просто привычка, что-то для рук в долгих перегонах. На приборной панели — наклейка с кораническим текстом и рядом — маленький флажок какой-то футбольной команды. Человек, у которого есть порядок вещей.

— Мустафа, — сказала Анна. — Водитель и проводник. Он работал с папой. В той самой экспедиции.

Мустафа кивнул. Погрузил вещи. Вырулил на дорогу.

Нуакшот проплывал за стёклами — пыльный, живой. Глинобитные дома рядом с французской колониальной архитектурой, рядом — новые китайские корпуса. Мотоциклы. Верблюды у обочины. Рынок — цвет, движение — мелькнул и остался позади.

— Мустафа, — сказал Сергей. — Последний день. Расскажи.

Нуакшот редел — последние дома, последний магазинчик, потом пустая земля.

— Он ушёл рано, — сказал Мустафа. — Пешком. Машину оставил у лагеря. Взял рюкзак, приборы — магнитометр, компас, записная книжка. Сказал: вернусь к вечеру. Я предлагал идти с ним. Он отказал.

— Почему?

— Сказал: когда кто-то рядом — не думается. — Пауза. — Я понял. У него всегда так было.

В боковом окне — её отражение. Лицо неподвижное, плечи прямые. Сергей знал этот её вид: она слышала эти слова раньше и сейчас проверяла. Сверяла с тем, что держала в голове долгие годы.

— Вечером не вернулся, — продолжал Мустафа. — Ждал до полуночи. Взял машину — насколько позволяли камни. Стрелял в воздух три раза — условный сигнал. Никто не ответил. Вернулся. Утром — снова. Ничего.

— Потом были огни. На вторую ночь. Синеватые. Пульсировали. Я пошёл к ним. Два часа пешком через камни, ночью. Огни пропали. Только камни.

— И запах, — сказал Сергей.

Мустафа посмотрел в зеркало.

— Откуда вы знаете?

— Какой именно?

— Как после молнии рядом. Острый. Металлический. Как будто воздух горел. — Мустафа не ответил сразу. — В отчёт не написал. Решил — скажут, что стресс.

Озон. Запах после сильного разряда — острый, металлический. Что-то там работало. Достаточно мощное.

Отель. Вечер. Анна достала планшет — руки чуть дрожали, когда разблокировала экран. Совсем чуть. Сжала пальцы, разжала.

— Есть ещё кое-что, что я тебе не показала.

Чёрно-белая фотография, плохая, полевая — отсканированная с бумаги. Кусок скалы. На нём — резьба: три концентрических кольца. И на краю кадра, почти обрезанный — ещё один знак. Угловатый. Несимметричный.

Он видел этот знак. В Тибете. В тех рукописях.

— Это из тех же источников.

— Из того же корня, — поправила Анна. — Я несколько месяцев изучала эти знаки. Тибетские тексты — одна из ветвей. Оригинал намного старше. — Она убрала планшет. — Поэтому я и еду. Это часть того же целого.

За окном отеля — нуакшотская ночь: мечеть на соседней улице, одинокий пешеход, свет из магазинчика на углу. Обычный город, у которого нет оснований знать, что в трёхстах километрах к северу что-то пульсирует раз в двенадцать минут уже очень долго.

Сергей сидел.

Вот оно. Вот зачем.

Написал за карьеру несколько историй, которые остались. Не потому что были хорошими — потому что после них что-то сдвигалось. Уже не вставало на место. Знал с первого дня. Просто не называл.

Вернулась Анна. Открыла карту.

— В какое время выезжаем?

— В пять. — Анна начала набрасывать схему маршрута. — Андре прилетает в полночь.

К пяти успеет.

Мустафа ел. Сергей подождал, пока Анна уйдёт.

— Второй раз там — когда?

— Через год. Один. Ночью. Огни, синие. Пошёл — пропали. Запах грозы. Без грозы.

— Третий?

— Сейчас. — Поднял взгляд. — Третий должен быть другим.

Глава 4. Андре

Андре Лебланк появился в семь утра у входа в отель — точно в назначенное время, с рюкзаком на плечах и видом человека, который уже проснулся несколько часов назад и успел многое обдумать.

Невысокий, плотный, с бородой с проседью — такой, которая выглядит не как выбор, а как то, что давно перестало быть вопросом. На левом кармане рубашки — аккуратно заштопанная дыра, серыми нитками по синей ткани. Чинит вещи, не выбрасывает.

Говорил по-русски с французским акцентом и интонациями из советских учебников — чуть формально, с паузами там, где носитель не ставит.

— Советские геофизики семидесятых по магнетизму работали лучше всех, коллега, — сказал он, пока они грузили аппаратуру. — Хотел читать в оригинале. Выучил язык.

— Польщён за страну.

— А, вы русский? Анна не предупредила. Интересно.

Первое, что сделал Андре — положил на капот машины маленький чёрный цилиндр в кожаном чехле. Потом поздоровался.

Потом достал из кармана мятый листок — список из восьми пунктов. Начал проверять. Каждый пункт — пальцем. Вслух не считал.

— Контактный вибратор. Прижимаешь к поверхности — передаёт вибрацию прямо в материал. Если там что-то реагирует на определённую частоту — отзовется.

В машине Андре сразу открыл ноутбук. Работал. Перед тем как сказать что-то важное — закрывал крышку на секунду. Как будто переключал регистр. Потом открывал снова.

Это Сергей заметил быстро. Закрытая крышка — значит, следи.

— Семёнов, 1962. Засекречено. Умер с этим. Внук пришёл три года назад — принёс оригиналы. — Андре не отрывался от экрана. — Его данные и мои. Одно место. Разница — один процент.

— Это означает...

— Что поле не природное. — Коротко. — Больше пока ничего.

Асфальт кончился — начался грунт. Красноватые предгорья, обветренные до плоских вершин.

— Часто бываете в таких местах?

— Три месяца в году — в поле. Иногда четыре. — Пауза. — Обычно три с половиной.

Он провёл большим пальцем по обручальному кольцу — быстро, почти незаметно. Жест, который бывает только один и тот же у человека, давно с ним сжившегося.

— Жена говорит: привыкла. По голосу слышно — нет.

Мустафа притормозил у скалы. Молча достал термосы с чаем. Налил всем — горячий, сладкий, с мятой. Не спрашивая. Это был его язык заботы: делать нужное без слов.

Над горизонтом — тонкий столб пыли. Слабый, вертикальный. Не ветер.

Андре увидел тоже. Мимолётное движение руки — большой палец по кольцу. Он не заметил что сделал.

— Интересно. — Тихо, к себе. Сергей уже понял: у Андре это слово не для восхищения — для беспокойства.

Мустафа поднял взгляд на горизонт. Ничего не сказал. Убрал термосы. Перед тем как завести машину — на секунду положил обе руки на руль и просто держал. Потом завёл.

— Видишь? — тихо, к Мустафе.

— Вижу.

— Едут уверенно. — Он не обернулся. — Не первый раз в этих местах.

К вечеру добрались до края структуры. С земли никаких колец — рельеф начинает меняться, и всё. Камни другие, слоистее. Пологий вал вдали — как будто земля когда-то поднялась и застыла в подъёме.

Свет был другим — тяжёлым, горизонтальным. Закатное солнце красило камни в тёмно-оранжевый, почти красный. Тени от валов уходили далеко на восток, длинные и острые. В этом освещении структура выглядела иначе, чем на спутниковых снимках — не геологической аномалией, а чем-то намеренным. Чем-то, что имеет отношение к тому, кто здесь стоит.

Лагерь разбили быстро. Мустафа разжёл горелку. После захода температура падала с тридцати восьми до двадцати пяти за час.

Ел один Мустафа — основательно, без спешки. Анна — несколько ложек. Андре взял кружку, поставил рядом с ноутбуком, забыл. Через час она остыла нетронутой — его обычный режим в поле.

Ночью Сергей сидел снаружи. Звёзды в пустыне — другие. Нулевая влажность, прозрачная атмосфера. Млечный Путь — как настоящая река — плотная, белая — прямо над головой.

Вышел Андре — сел рядом, не говоря. Достал телефон: на экране блокировки женщина смеётся, осенний парк, жёлтые листья. Несколько секунд — перевернул экраном вниз. Не убрал, оставил рядом.

— Дочь звонила. — Андре держал телефон, не перелистывал. — Спрашивала зачем снова. Я говорю: привычка. Она говорит: знаю.

— И?

— Ничего. Повесила трубку нормально. Это хуже, чем если бы поругались.

Поднял телефон. Ещё раз — женщина смеётся, жёлтые листья. Убрал в карман.

Ушёл в данные. Синеватый свет экрана, ровный стук клавиш — как метроном.

Сидел ещё. Млечный Путь над головой — плотная белая полоса — поворачивался.

Когда человек говорит о дочери именно так — не пожалуясь, не объясняясь, просто сообщая — это значит, что слов о ней мало и они дорогие. Он убрал это в память. Потом.

Столб пыли на горизонте был теперь невидим в темноте. Но Сергей помнил его. И что Мустафа видел тоже — и промолчал.

Глава 5. Первое кольцо

На рассвете вошли в структуру.

Небо ещё только обещало утро — тёмно-синее с розовым краем на востоке. Звёзды угасали нехотя. В этот час пустыня пахла по-другому: не пылью и раскалённым камнем, а чем-то холодным и чистым — как будто за ночь она выдыхала то, что набирала за день.

Андре остановился на гребне первого вала с магнитометром.

— Уже интересно, — сказал он.

— Что?

— Фон выше. Незначительно, но равномерно по всему периметру. Как будто зашли в другую зону.

Внутри вала камни лежали иначе. Не хаотично — с какой-то логикой, которую Сергей не мог сформулировать. Как будто здесь было что-то, что подчиняло себе даже рельеф.

Жара нарастала — неостановимо. Воздух дрожал над камнями. Пот высыхал немедленно, не успевая охлаждать. Пустыня перестала быть фоном и стала давлением — физическим, осязаемым.

Анна шла первой — быстро, уверенно. Остановилась у плоского камня с наклоном к востоку.

— Сюда.

Смахнула пыль кисточкой — специально держала в кармане, не в рюкзаке. Под пылью — линии. Параллельные, пересекающиеся под точными углами. Не природное.

Андре присел, провёл пальцем по бороздке.

— Кварцит. Семь по шкале Мооса — один из самых твёрдых природных материалов. Чтобы нанести такие линии — нужен алмаз или карбид вольфрама. Инструмент, которого не должно было существовать в предполагаемый исторический период.

Мустафа держался чуть в стороне. Не на камень — туда, откуда пришли.

— Мустафа.

— Пыль. — Он указал. — Видите?

На горизонте — тонкий столб. Не тот, что вечером. Свежий, тёмный у основания.

— Едут уверенно. Не ищут дорогу. Знают куда.

— Продолжаем. Идём как будто не заметили. Быстрее.

Второй вал — ещё через два часа. Жара стала полной. Горло сухое несмотря на воду, которую Андре аккуратно отсчитывал по глотку.

— Намного выше. То, что описывал ваш отец.

Анна кивнула. Сжала руку в кулак и тут же разжала.

Рельеф усложнился — подёмы, промоины, узкие щели в красном камне. В одной из промоин Анна позвала — тихо, коротко. Так зовут, когда нашли что-то важное: не кричат — зовут.

Стены промоины метров три высотой, узкие. С обеих сторон — рисунки: три концентрических кольца во всю ширину стены. Вид сверху — точный. Знак из тибетских рукописей у основания.

Никто не добавил очевидного вывода. Не нужно было.

Сергей фотографировал, Анна зарисовывала. Мустафа занял место у входа — поверх их голов, внутрь. Как смотрят на что-то, что узнали.

Потом Сергей переместился к дальней стене — там свет падал под другим углом.

И остановился.

В нише в стене — узкой, почти незаметной, прорезанной в камне на уровне плеч — лежал человек.

Он не сразу понял, что это человек. Сначала — просто силуэт, тёмный, неподвижный. Потом глаза привыкли.

Мумифицированный. Высохший до полной неподвижности, до того, что кожа превратилась в тёмный пергамент, натянутый поверх костей. Лежал аккуратно. На боку, лицом к выходу из промоины. Руки перед собой — правая чуть выдвинута вперёд, ладонью наружу. Как будто протягивает что-то. Или останавливает.

В ссохшихся пальцах — металлический диск. Небольшой, тёмный. Тот же матовый металл, что у ключа в рюкзаке Анны.

Сергей не отрывал взгляда.

Тело остановилось само. До слов.

Он не понял сначала почему. Потом понял: дыхание. Он забыл дышать — не от страха, от чего-то другого. От того, что ты вдруг оказываешься рядом с кем-то, кто принял решение тысячи лет назад — и это решение касается тебя лично. Именно тебя. Того, кто войдёт.

Этот человек лёг здесь намеренно. Лицом к выходу — к тем, кто придёт. Держал диск. Ждал.

Сергей выдохнул. Медленно. Это было всё, что он мог сделать.

— Анна, — позвал он. — Сюда.

— Он хранитель.

— Да.

— Диск в руках.

— Да. Тот же металл.

Она не тянулась к диску. Стояла — как смотрят на что-то, что требует уважения прежде объяснений. Потом достала телефон и сфотографировала. Потом ещё раз, ближе.

Андре подошёл последним. Увидел.

— Обезвоженная мумификация. Пустынная. Тысячи лет — легко. — Пауза. — Он лежит здесь дольше, чем существует государство, которое мы пролетали на самолёте.

Мустафа заглянул за плечо Андре. Посмотрел. Отвёл взгляд — не испуганно. Как от чего-то, перед чем нужно остановиться.

— Мустафа, — сказал Сергей тихо.

— Десять минут. Может, меньше.

Никто не торопился к выходу. Это место требовало другого темпа.

Минута. Может, две. Никто не говорил. Не потому что нечего было сказать — потому что говорить здесь было невозможно. Как невозможно говорить в комнате, где кто-то только что умер. Не запрещено. Просто — нельзя.

Они не тронули диск. Анна сфотографировала нишу ещё несколько раз. Андре замер — не изучал, не анализировал. Первый раз за всю экспедицию не делал ничего профессионального.

Рядом с хранителем — что-то менялось. Сергей чувствовал: этот человек сделал что-то, для чего у Сергея не было категории. Он лёг здесь и стал частью места — так же, как орнамент на стенах, как слои горной породы. Не смерть против воли. Выбор. Осознанный, точный. Для того, кто придёт потом.

Такие вещи не объясняются. Они просто стоят рядом с тобой, пока ты не идёшь дальше.

Потом они вышли из промоины и пошли быстрее.

Сергей шёл и не мог отделаться от одного. Не от диска — от позы. Человек лёг лицом к выходу. Не к стене, не свернувшись — лицом к тем, кого не увидит. Чтобы первое, что они встретят, было не темнотой, а обращённым к ним лицом.

И вот что ударило по-настоящему. Всю жизнь Сергей уходил первым. Из городов, из историй, из людей — уходил раньше, чем уйдут от него. Считал это силой: меньше держишься — меньше теряешь. А этот человек сделал обратное. Остался. Лёг и не ушёл — навсегда, ради

тех, кого даже не назовёт. Впервые Сергей подумал, что, может быть, всю жизнь путал бегство с силой. Что остаться — труднее, чем уйти. И что он, кажется, никогда по-настоящему не пробовал.

Мысль была неудобная. Он не стал её додумывать — пока. Но она осталась, как камешек в ботинке: с каждым шагом напоминала о себе.

Анна остановилась сама. Провела пальцем вдоль одной линии — рядом, не касаясь. Потом убрала руку.

— Запомни это место. — Не Сергею — себе. — Вот здесь. Этот элемент.

Сфотографировала. Ещё раз, с другого угла. Убрала телефон.

— Папа описывал именно этот. В заметках. Три раза. — Пауза. — Значит — важное.

Они пошли дальше. Сергей не спрашивал что именно важное. Иногда вопрос ломает момент.

Глава 6. Центральный холм

Центральный холм — пологий подъём метров сорок по вертикали. Зато с вершины открывалась логика.

Подъём занял больше, чем казалось снизу. Жара здесь была другой — без теней, без щелей в камнях. Ровный белёсый свет со всех сторон. Сергей чувствовал его как давление на затылок. Дышал ртом — нос забит пылью. Перчатки оставил в рюкзаке и сейчас жалел: кварцит на солнце жжёт через ладони.

Анна шла быстрее их всех. Не говорила ничего — берегла воздух.

Вершина оказалась неожиданно ровной. И пустой. Ни тени, ни укрытия. Солнце в зените. Белый кварцит — слишком яркий. Как снег.

Площадка метров двести в диаметре. Почти перламутровая в послеполуденном свете. Слишком ровная для природного образования.

Сергей сделал несколько шагов. Что-то давило снизу — через подошвы. Не звук, не вибрация прибора. Что-то более глубокое. Как гул, которого нет, но который есть. Волоски на предплечьях поднялись.

Место, которое ждёт.

Андре встал в центре с магнитометром.

Что-то в площадке было правильным — не в том смысле, что приятным или красивым. В том смысле, что именно здесь должна была быть площадка. Именно здесь, на этой высоте, с этим видом на три кольца. Кто-то выбрал это место. Не случайно.

— Максимум. — Переместился, замер снова. На одну секунду закрыл глаза — это было у него всегда так: нашёл что-то важное — сначала тишина внутри, потом слова. — Прямо под нами. В три раза выше фонового. И — пульсирует. Двенадцать минут на цикл. Ритмично. Намеренно.

Намеренно.

Анна ходила по площадке — методично, полосами. Через восемь минут позвала.

Тонкая щель. Прямоугольник метр на полтора — идеально прямые линии. По краям — тёмный металл. Матовый. Ни следа окисления.

Сергей опустился на колено. Провёл пальцем по краю металла. Ожидал горячего — металл на солнце. Но — комнатная температура. Как будто то, что было под ним, поддерживало его изнутри.

— Люк, — сказала Анна.

Небольшое углубление с одной стороны. Сложная несимметричная форма.

— Это не под стандартный ключ. — Анна открыла сканы дневника отца. — Он писал: «резонансный принцип». Не механика — вибрация. Нужна правильная частота.

Столбец цифр в записях: 40, 56, 71, 84, 92, 108, 120.

— Андре.

Тот уже доставал цилиндр.

— Мустафа.

— Семь минут.

Семь минут — семь частот. Меньше минуты на каждую. Сердце пропустило удар. Потом пошло дальше — ровно.

— Работаем быстро.

Андре прижал цилиндр к металлу. Первая частота — сорок герц. Ничего. Пятьдесят шесть. Ничего. Семьдесят один.

Под подошвами — едва заметный отклик на каждую. Камень слышал. Просто — не тот разговор.

Восемьдесят четыре. Девяносто два.

— Мустафа, — сказал Сергей.

— Две минуты.

— Сто восемь.

Площадка под ногами дрогнула. Едва — как далёкий подземный вздох. Потом ещё раз. Потом — щелчок. Не ушами — костями.

Из люка снизу — холодный воздух. Здесь, где сорок два снаружи. Как подземная река.

— Семь минут реально? — Сергей.

— Да. Не тратить время. — Она не колебалась.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПУСТЫНЯ

Снизу — холодный воздух. Здесь, где сорок два снаружи. Ударил в лицо как дверь морозильника — мгновенно. Сергей сделал шаг назад. Потом вперёд. Подставил лицо. Холод — настоящий. Разница градусов двадцать.

Мустафа занял позицию у края. Не люк — горизонт. Там что-то двигалось — он увидел и промолчал. Это тоже был ответ.

Анна сказала ему необходимое — три удара, час, конверт в Ататте. Он слушал один раз, не переспрашивал.

— Вернётесь, — сказал он. Тем же тоном, каким называют погоду.

Кивнула. Шагнула вниз первой.

Глава 7. Сто восемь герц

Андре подключил вибратор к телефону. Прижал резиновое основание к металлическому ободу люка — плотно, всем весом. Щёлкнул магнитным зажимом.

Жара давила снаружи. Здесь — холод. Над открытым люком — оба сразу: спину жжёт, лицо остывает.

— Сорок герц.

Слабое гудение на нижней границе слышимого. Зато под подошвами — немедленно: камень ожил. Мелкая, глубокая вибрация, которая шла снизу вверх. Как будто что-то там, внутри горы, слышало этот звук и пробовало понять, знакомый ли он.

Ничего.

— Пятьдесят шесть.

Дрожь изменилась — чуть ниже, чуть тяжелее. Но — ничего.

Семьдесят один. Восемьдесят четыре.

— Мустафа, — сказал Сергей.

— Пять минут.

Пять минут — три частоты. Потом уходим. Андре держал вибратор с абсолютным профессиональным спокойствием.

— Девяносто два.

Андре потёр лицо свободной рукой — быстро, почти незаметно. Его единственный признак стресса: не слова, не движение — просто ладонь по лицу. Один раз. И дальше.

— Сто восемь.

Что-то изменилось.

Не сразу. Через секунду — лёгкое движение под ногами. Не вибрация прибора — другое. Глубокое. Как будто очень далеко внизу что-то сдвинулось с места после очень, очень долгого стояния.

— Ещё раз. Длиннее.

Десять секунд. Чистый тон, ровный.

Люк начал двигаться.

Не распахнулся — пошёл в сторону по пазу. Как механизм, разминающийся после долгого сна. Плавно, без рывков. Беззвучно почти — только один звук: тонкий, высокий, чистый — металл по металлу без единого скрежета. Как будто части помнили друг друга.

Из темноты — воздух.

Холодный. Неожиданно, резко холодный — здесь, где сорок градусов и камни жгут через подошвы, снизу шёл воздух как из промышленного холодильника. Сергей почувствовал его сразу — лицо, шея, открытые руки. Кожа среагировала раньше, чем он успел осознать: мурашки по предплечьям, вверх по шее. Сердце — один лишний удар.

Давление в ушах изменилось. Незначительно — но было: как в самолёте при снижении, только наоборот. Как будто воздух снизу имел другую плотность.

Не затхлость, не пыль — что-то чистое. Как перед грозой.

Озон. Тот же запах, о котором говорил Мустафа.

Они стояли над открытым люком. Холодный воздух поднимался снизу, касался разгорячённых лиц, уходил в раскалённое небо. Как дыхание чего-то, что дышало здесь, пока менялись цивилизации на поверхности.

Анна посветила вниз фонарём.

— Ступени, — сказала она.

Широкие, ровные. Уходящие вниз в темноту.

— Мустафа.

— Три минуты.

— Остаёшься наверху. Три удара — сигнал.

— Понял.

— Идём. — Она уже стояла на первой ступени.

Ступени вырублены в камне — неровные, разной высоты. Не для удобства. Для тех, кто умеет идти.

Орнамент на стенах сгущался с каждым метром вниз. Сергей старался не вглядываться — при движении фонаря он казался живым. Не в том смысле, что двигался. В том смысле, что смотрел. Ты думаешь, что разглядываешь его — а он разглядывает тебя. Ощущение было некомфортным, и он решил просто принять его как факт.

На четвёртой ступени Сергей положил руку на стену. Тёплая. В темноте, в нескольких метрах от поверхности — тёплая. Не от солнца. Что-то работало там, внизу. Само, без них.

Андре остановился рядом.

— Чувствуешь?

— Тепло. И что-то ещё. Очень слабо.

— Вибрация. Механическая. Не акустическая — глубокая. — Андре убрал руку. — Оно работает само. Уже работало, пока мы шли сюда.

Двадцать лет он изучал аномалии. Всегда было объяснение — геология, тектоника. Здесь — нет.

— Это и интересует, — сказал он, не поднимая взгляда. — Когда нет объяснения. Значит, оно есть — просто за пределами того, что мы пока знаем.

Они продолжили спуск. Орнамент сгущался. Стены не смыкались физически — но ощущение было именно такое. Воздух становился другим. Не воздухом снаружи — другим веществом, которое это место выдыхало само из себя.

Сергей шёл и думал: мы здесь незваные. Не враги — просто незваные. Нас оно не ждало и не ждёт. Мы вошли — оно продолжает своё.

Глава 8. Коридор. Зал

Двадцать три ступени. Сергей считал — привычка: всегда знай, сколько шагов до выхода.

Ещё одна мысль, некомфортная: место не знает, что мы — люди. Не в том смысле, что не замечает. В том смысле, что у нас нет категории в его логике. Мы для него как воздух, проходящий через шахту. Другая среда — и только.

Воздух менялся с каждой ступенью. Не просто холоднее — плотнее. Как будто под землёй больше воздуха, чем снаружи.

Свет фонарей на стенах — орнамент. Он появился уже на первых ступенях, сразу под поверхностью. Не грубый — тонкий, точный, нанесённый с намерением. При движении фонаря тени в нём менялись, и казалось, что орнамент живой. Сергей не смотрел. Боковым зрением чувствовал: стены не просто стены.

Фонари давали конус. За конусом — темнота. Стены поглощали свет — матовый тёмный камень, ни отблеска.

Внизу — площадка. Горизонтальный коридор. Тёмный камень, поверхность почти полированная.

Первое — воздух.

Ждал затхлости. Тысячи лет изоляции — должна быть затхлость. Воздух был свежим. Не просто свежим — другим. Такого воздуха не бывает под землёй. Такого воздуха не бывает вообще в закрытых пространствах. Лёгкое постоянное движение, как будто где-то очень глубоко что-то дышит. Это было неправильно. Это было красиво.

На стенах — орнамент. Геометрический паттерн, плотный, с вариациями. Не рисунки — что-то другое. Холоднее, точнее. Как записанная мысль, а не нарисованная история.

— Это не украшение, — сказала Анна, не останавливаясь. — Слишком регулярно. Слишком плотно. Это — запись.

— Интересно. — Андре провёл пальцем вдоль бороздки, не замедляясь. Не восхищение — констатация.

Через двести метров — развилка. В стене у развилки — плита: резьба, линии, рамка. Схема.

Анна несколько секунд — на схему.

— Налево. Правый выход — наружу. Левый — к центру.

— Уверена?

— Нет. Но иначе не читается. — Она уже шла налево.

Этот коридор — шире. Потолок выше. Орнамент гуще.

Потом — дверной проём без двери. И за ним:

Зал.

Сергей вошёл — и не смог идти дальше. Не он решил — ноги. Секунды три, пока глаза не адаптировались, пока что-то внутри не перестало сопротивляться масштабу.

Круглый зал. Метров двадцать в диаметре, купол высотой метров шесть. По всей поверхности — орнамент, рельефный, объёмный. В слабом свете фонарей он казался почти живым — тени двигались в нём, меняли углы.

Восприятие времени менялось — сразу, как вошёл. Не быстрее, не медленнее — по-другому. Как будто здесь время имело другую консистенцию. Как будто здесь оно не тянулось линией, а стояло. Всё одновременно — тот, кто строил, и тот, кто смотрит сейчас.

В центре — возвышение. На нём — устройство.

Не алтарь. Не статуя. Устройство — единственное подходящее слово для чего-то, что явно имеет функцию. Цилиндрическое, ростом с человека, из тёмного металла. Орнамент по всей поверхности — плотнее, чем на стенах. Каждый элемент на своём месте.

В зале не было тишины — был гул. Очень низкий, почти неслышимый. Больше ощущаемый в груди, чем ушами. Ровный, постоянный. Как гудит трансформаторная будка ночью — знаешь, что не слышишь, но тело знает.

И ещё одно: когда Сергей двигался — орнамент на стенах не двигался вместе с тенями. Он оставался там, где был. Как будто освещение не имело к нему отношения.

И — равнодушие. Не враждебность, не приветливость. Место существовало до них. Существовало само по себе тысячи лет. Продолжит после. Они были здесь — это было их дело, не его. Это ощущение было, пожалуй, самым странным из всего.

Андре поднял магнитометр. Прошёл в центр. Переместился. Снова.

— Мадонна.

Голос прозвучал странно. Не эхо — наоборот: поглощение. Слова уходили в стены и не возвращались.

— Что?

— Оно работает. Прямо сейчас. Активное поле. Пульсирует — двенадцать минут на цикл. Источник — цилиндр. Само.

Анна обходила возвышение.

— Ниша. — Она посветила. — Пустая. Форма — под конкретный предмет.

— Кто-то вынул, — сказал Сергей.

Он начал осматривать пол — методично, с фонарём близко к поверхности. У стены — что-то тёмное.

Поднял.

С кулак. Многогранный. Тёмный металл — тот же, что цилиндр. Тяжёлый — неожиданно для своего размера.

И — живой.

Температура его была выше температуры воздуха в зале. Ровная, постоянная — не как металл, нагретый чужим теплом. Изнутри. Как будто держишь что-то, внутри чего идёт непрерывный медленный процесс.

Что-то прошло по позвоночнику — снизу вверх.

Он видел много вещей в репортажах. Братские могилы, горящие деревни, людей в момент понимания непоправимого. Привык называть то, что чувствует — это часть работы: если не назовёшь, не напишешь. Сейчас он не мог назвать. Это не было страхом. Это было чем-то старше страха.

Он подумал о диске в руках хранителя. Тот же металл. Тот же матовый тёмный блеск. Хранитель лежал там тысячи лет с диском в руках — лицом к выходу, протянув его к тому, кто войдёт.

Передавал.

— Анна.

Она взяла из его рук. Держала несколько секунд. На её лице — что-то сложное: узнавание, которое стоило дорого. Как будто она держала что-то, о чём знала всегда, но никогда не держала в руках.

— Он работает. Как устройство.

Три удара сверху. Резкие. Ровные. Три.

— Берёшь? — спросил Сергей.

— Да. — Без колебаний.

— Правый коридор. Быстро.

Они бежали. Не героически — задыхаясь, в темноте, с фонарями которые прыгали по стенам. Орнамент мелькал — в движении он был другим, живым. Сергей видел только спину Андре впереди.

Правый коридор длиннее левого. Понятно сразу — шли дольше, чем вошли. Значит, выход дальше от центра. Значит — правильно.

Коридор начал подниматься. Хороший знак.

Глава 9. Второй выход

Правый коридор шёл вверх — постепенно, пологим уклоном.

Они шли быстро. Сергей — последним, слушал: сзади голоса, наверху. Английский, деловитый, негромкий. Несколько человек переговариваются по рации. Профессионалы — не торопятся, не кричат, работают.

Триста метров. Потолок снижался — пригнуться. Потом на четвереньках. Плоский камень в конце.

Сергей упёрся. Толкнул. Не поддавалось. Он покачал — плита начала сдвигаться. Края вскрылись, песок просыпался внутрь. Он толкал, пока щель не стала достаточной.

Яркий свет — после темноты коридора он ударил по глазам физически. Сергей зажмурился. Выждал секунду. Выбрался — неловко, ослеплённый — на склон холма.

Жара обрушилась мгновенно. Они успели забыть за те минуты в прохладном коридоре. Сорок два — и солнце прямо сверху. Тело вспомнило первым.

Горячий воздух после подземного холода — грубый, тяжёлый. Реальный. Сергей дышал. Снаружи. Живые. С ключом.

Прижался к склону — на площадке четыре силуэта. Тёмная одежда. Один присел у люка. Другой по рации. Ещё двое — периметр. Уверенные, скоординированные. Они отработывали заранее условленную схему.

Снизу — тихий звук. Камень о камень, два раза с паузой. У подножья, за грядой валунов — движение.

Мустафа.

Они спустились — прижимаясь к склону, за каждым выступом. Лишний шум хуже лишней минуты.

Машина стояла в выемке между скалами — невидимая сверху. Мустафа поставил её туда заранее. Потому что так делал всегда.

— Куда?

— Не в Нуакшот. Ататта.

— Восемь часов объездным.

— Едем.

В машине Мустафа вёл без огней — по луне и памяти. Анна сидела сзади, рюкзак на коленях, обе руки вверх. Держала. Андре рядом с ней — ноутбук закрыт впервые за весь день.

Они знали координаты. Приехали уверенно — значит, бывали раньше или имели точные карты. Ждали снаружи, пока кто-то другой откроет вход. Потому что сами не могли. Не знали частоту.

Ждали Анну. С её отцовскими записями. С диапазоном частот. Использовали её как ключ к двери, которую сами открыть не могли.

— Анна, — сказал он.

— Знаю, — сказала она. — Нас использовали.

— Да.

Злился — на себя, не на них. Его работа — видеть, когда тебя ведут. Он видел. И поехал. Вот и всё.

— Ключ — буквально. Не фигурально. Им нужен был кто-то с частотой. Я единственная, у кого были записи.

— И теперь они будут искать нас.

— Потому что мы взяли то, зачем они пришли.

Написал Таши коротко: «Нашли то, о чём говорили. Нужен разговор. Срочно.»

Убрал телефон.

Анна держала ключ.

— Анна. Что именно ты чувствуешь?

Она не ответила сразу. Смотрела на ключ. Потом:

— Тяжесть. Не физическую. — Пауза. — И ещё. Такое ощущение, что папа держал его. Не этот — такой же. В той же нише. Двадцать лет назад. — Голос остался ровным. Только руки чуть сильнее сжали ключ. — Это иррационально.

— Может быть.

— Я знаю, что это иррационально. — Она убрала ключ в карман. — И всё равно.

— Поле реагирует на биологическое присутствие, — бросил Андре. — Физика, не мистика.

Анна посмотрела на него. Потом убрала ключ в карман.

— Анна. Кто они были?

— Коулмэн, скорее всего. Искал место, а не человека. Это разные намерения. Поэтому и не нашёл.

— Что дальше?

— Третья точка. Аравийский полуостров. Управляющий центр. Без него Ришат работает не полностью. Андре считает. Недели две.

Андре сидел с закрытыми глазами. Не спал — руки лежали слишком ровно.

— Андре, — сказал Сергей. — Металл. Вы сказали: высокое содержание платины и иридия. Что это означает?

— Означает, что кто-то создал этот сплав при технологиях, которых у нас нет. — Пауза. — Иридий — один из самых твёрдых металлов. Тугоплавкий. Не корродирует. — Он открыл глаза. — Это материал для чего-то, что должно работать очень долго. Тысячи лет. Без обслуживания.

— Оно работало.

— Оно работает. Прямо сейчас.

Глава 10. В самолёте. Касабланка

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СЛЕД

Ататта — маленький аэропорт в два терминала. Единственный рейс, очередь человек двадцать. Ничего лишнего.

Мустафа остановился у входа. Вышел.

— Дальше не иду. — Смотрел на них по очереди. — Если следят за аэропортами — лучше не видеть нас вместе.

Пожал руку Сергею. Крепко, коротко. Потом Андре. Потом повернулся к Анне.

— Найдите его, — сказал он.

— Найду.

Сел в машину. Land Cruiser скрылся за поворотом.

В самолёте — Андре работал. В иллюминаторе — Сахара внизу, огромная и спокойная. Ей не было дела до людей, которые ползали по её поверхности. Она просто была. Будет после них.

Анна не спала — делала вид. Рюкзак на коленях, обе руки вверх. Молчание было единственным, что имело смысл.

Она узнала несколько часов назад: её отец, возможно, жив. Где-то. В стабильном поле, в пузыре из физики, которую никто не понимает полностью. Для неё прошло много лет — для него, может быть, дни.

Он хотел спросить. Не спросил.

— Почему остались? Данные же есть.

— У меня данные одной точки. Если это система — мне нужны данные системы. Одна точка — это анекдот. Система — это наука.

Он помедлил. Потом:

— Я написал Мари из аэропорта Ататты. Она — жена, учитель музыки в Страсбурге. Три года я откладывал этот разговор. Написал наконец. Она ответила: «Жду».

— Мне нравится эта логика.

— Мне тоже. Дайте поработать.

Под самолётом Сахара сменилась Атлантикой — тёмной, холодной, с белыми пятнами пены — потом огнями Касабланки.

Отель — небольшой, в стороне от туристических маршрутов. Андре сел за ноутбук немедленно. Анна легла и уснула через пять минут — тело взяло то, что ему было нужно.

Сергей вышел на балкон.

Касабланка вечером — шум, огни, Атлантика тяжёлая, тёмная. Нормальный город, нормальная жизнь. Никому из двадцати двух миллионов нет дела до промоины с хранителем, который лежал там тысячи лет лицом к выходу.

Хранитель в нише, лицом к выходу. Ключ тёплый в руке. Четыре силуэта на площадке — ждали, пока Анна откроет.

Он привёз её туда. Без вопросов. Потому что хотел поехать. Это тоже часть того, что сдвинулось за сегодня.

Много. Для одного дня — слишком много.

И при этом: это только первый день.

Он знал это чувство — история начинает быть больше тебя. После Тибета зарёкся. Три месяца детокса. Сработало на шесть месяцев. Рекорд.

Напишет об этом когда-нибудь. Журналист всегда знает — это напишется, это нет. Это напишется. Только не сейчас. Сейчас слова не подходят к тому, что он видел. Слова — это когда уже понял. Ещё не понял. Только почувствовал.

Может быть, именно поэтому листок пока пустой.

Он зашёл внутрь. Лёг. Закрыв глаза.

У Наи было правило: не торопить понимание. Дать прийти самому — не тогда, когда ждёшь, а когда перестаёшь.

Сегодня это была единственная полезная вещь, которую он мог сделать.

Написал Нае: «Жив. Всё сложнее, чем казалось. Скоро объясню.»

Ответ — через минуту: «Хорошо. Буду ждать.»

Будущее время. «Буду ждать». Она могла написать «жду» — но написала «буду». Это её способ сказать: знаю, что ты вернёшься не сразу.

На столе у Анны — рюкзак. Она не убирала его на полку.

Час до Касабланки.

Сергей не спал. Иллюминатор — темнота, облака.

— Анна. — Вполголоса. — Те, кто создал это. Кем они были?

— Они думали о нас. Конкретно — не о человечестве вообще. О людях, которые придут. Они знали, что придут люди. Встроили то, что нельзя взять силой — только понять. Это очень специфическое представление о будущем. — Пауза. — И о людях.

— Или — тот тип мышления, к которому мы только идём.

Самолёт шёл на Касабланку. Там — пересадка. Потом Стамбул. Потом Аравия.

Три шага. Первый только что закончился.

За стеклом — темнота, облака, ничего.

Потом:

— Сергей. Ришат — это не конец. Это вход. Управляющий центр в Аравии. Потом — публикация. Потом — реакция. Это только начинается.

Он знал это. Ещё в зале, когда держал в руке что-то тёплое и живое — понял: масштаб другой. Не репортаж. Что-то, что войдёт в него и останется.

В нагрудном кармане — два листка. Один от Анны. Один его — пустой.

Пока пустой.

Но первое слово он уже знал. «Ришат». Написал бы одно слово и точку. Как отец двадцать лет назад.

Глава 11. Три дня в Касабланке

Первый день Анна проспала почти до четырёх.

Никто не стучал. Андре сел за ноутбук с восьми утра — кофе стыл рядом, нетронутый. Сергей ушёл на набережную.

Атлантика здесь была другой, чем Сиамский залив. Тёмная, тяжёлая, без снисхождения. Волны не ласкали берег — били. Белые гребни, соль на губах, йод. Сергей следил, как вода разбивается о камни — снова, снова, снова — и пробовал думать.

Не выходило последовательно. Мозг выдавал кусками: хранитель в нише, лицом к выходу, тысячи лет. Ключ — тёплый, живой. Четыре силуэта на площадке. Пакет из Нуакшота, отправленный, чтобы Анна пришла.

Всё это было правдой и не укладывалось. Он видел, щупал, нюхал, слышал — и всё равно не укладывалось. Так бывает, когда слишком много сразу.

Думал о хранителе. Не о системе — о человеке, который лёг в нишу лицом к выходу и стал ждать дольше, чем живут государства. Что должно произойти внутри, чтобы принять такое?

Сергей знал ответ хуже, чем хотел бы. Он всю жизнь уходил. Из городов, из историй, из людей — когда становилось слишком близко, он находил следующую командировку. Тибет, Ча-ам, теперь Сахара. Движение как способ не оставаться. Хранитель сделал обратное: остался навсегда в одной точке. Это пугало Сергея больше, чем поле, чем технократы, чем что угодно ещё. Остаться. Он не умел.

Ная это поняла раньше него. Поэтому ушла первой — не дожидаясь, пока уйдёт он. Он только сейчас, у чужого холодного моря, начинал догадываться, что она знала о нём то, чего он сам про себя не знал.

Когда вернулся, Анна сидела у окна с ключом в руках. Не читала, не работала. Держала и глядела в море. Он задержался в дверях — несколько секунд: на её руки с ключом, на то, как держит, обеими, крепко, как держат то, что могло исчезнуть и не исчезло.

Поставил кофе рядом. Сел.

При дневном свете ключ выглядел иначе — тёмный металл с холодным синим отливом, заметным только под прямым лучом. Орнамент плотный, иерархичный: базовый элемент, вариации, усложнения. Язык с грамматикой.

— Он стал теплее после Атагты, — сказала она. Взгляд оставался на воде. — Заметно.

— Ближе к Гизе.

— Или мы идём правильно. — Подняла взгляд. — Это разные вещи.

Круги под глазами. За двое суток она почти не ела — не потому что не могла, а потому что забывала.

— Андре.

Тот без слов навёл инфракрасный термометр на ключ.

— Плюс два и восемь к окружающей. Стабильно. Внутри идёт экзотермический процесс. Анна глядела на показание. Потом на ключ. Потом в окно. Волны били берег.

— Он там сейчас, — сказала она. — Внутри. Думает: задержался. Скоро найду выход.

Сергей ждал.

— Или уже перестал думать. Просто ждёт. — Тише. — Как хранитель ждал.

Андре убрал термометр. Вышел — без слов, чтобы не мешать.

Анна положила ключ на подоконник. Стекло холодное. Вокруг ключа — пятно чуть теплее. Она коснулась стекла рядом. Разница ощущалась пальцами.

— Папа, — сказала она. Почти неслышно. К ключу. К тому, что было в руках её отца.

Сергей не шевелился. В этом моменте было что-то, во что нельзя вмешиваться. Что нужно дать случиться.

На второй день Андре показал данные.

— Пульсация — двенадцать минут на цикл. Это число встречается в астрономических расчётах Египта, Месопотамии, доколумбовой Америки. Разные цивилизации, разные эпохи — одно число. — Развернул схему. — Если Ришат не единственный, между источниками возникают интерференционные картины. Дай мне одну другую точку — вычислю, куда смотреть.

— У нас нет другой точки.

— Таши знает.

В тот же день Таши прислала адрес — кафе в Бейоглу, три пересадки. «Будьте внимательны в аэропортах.»

Вечером Сергей сидел рядом с Андре. Тот переключал данные в схему: три оси — время, частота, интенсивность. Час работы, потом полчаса на проверку. Сергей не мешал — просто был рядом. Так делают, когда не хочется быть одному, но и говорить не хочется.

— Андре. Ты боишься?

Тот не остановился.

— Чего?

— Что найдём. Или что не найдём.

— Нет. — Коротко. — Данные либо есть, либо их нет. Это не страшно. Страшно, когда они есть, но никто не смотрит. — Повернулся. — Ты боишься?

Сергей подумал.

— Нет. Странно, но нет. Я журналист. Привык: что-то происходит — надо зафиксировать. Это — просто очень большое «что-то».

— Самое большое, — согласился Андре. — Но принцип тот же.

На третий день утром Андре показал новую схему.

— Смотри. Если точки расположены так — это не случайный паттерн. Сеть с геометрией. — Провёл линии. — Треугольник Ришат — Гиза — Аравия. Стороны пропорциональны. Углы точные. — Тише. — Кто-то спроектировал. С очень точными расчётами.

— Зачем спрятали? — спросил Сергей. — Если создавали — зачем прятать?

Андре отложил карандаш. Перед тем как ответить, закрыл крышку ноутбука на секунду — Сергей уже знал этот его жест: значит, сейчас не данные, а мысль.

— Может, не спрятали. Может, положили туда, где мы найдём сами. Когда дорастём. — Открыл крышку обратно. — Мы научились летать, потом смотреть на планету сверху — тогда и увидели структуру Ришата. Может, это не случайно.

Анна слушала, не отрывая глаз от ключа.

— Они знали, что мы дорастём, — сказала она тихо.

Утром, когда застёгивала рюкзак, Сергей заметил жест: рука по боковому карману снаружи, один раз. Она не замечала, что делает — пальцы сами тянулись проверить. За трое суток это стало машинальным рефлексом.

Глава 12. Стамбул. Таши

Апрельский Стамбул — мелкий дождь, запах Босфора, брусчатка, отражающая огни кафе. Три пересадки позади.

Кафе без названия. Узкая улица, влажное дерево.

Таши в дальнем углу. Сергей не видел её с прошлого года. То же спокойствие, та же закрытость — но под этим напряжение, которого раньше не было. Человек, долго откладывавший разговор, который больше нельзя отложить.

Анна поставила ключ на стол. Не положила — поставила. Твёрдо.

Таши взяла его. Держала несколько секунд — как держат знакомое, давно искомое. Положила обратно.

— Мы называем это «ключ». Буквально.

— Слышу.

— Без него устройство в Ришате работает вполсилы. С ним — полностью. — Тише. — Вы не должны были его брать.

— За нами шли вооружённые люди.

— Знаю. Знала, что они там будут.

Дождь за стеклом. Трамвай по мостовой.

— Вы знали. — Не вопрос. Холодная констатация.

— Да.

— И всё равно послали нас туда.

— Именно поэтому. Хотела, чтобы вы вошли раньше них. Поэтому прислала пакет.

— Откуда у вас записи моего отца.

Интонация не вопросительная — требовательная. Тихая, что хуже крика.

Сергей следил не за Таши — за Анной. За тем, как она сидит: прямо, руки на столе. За тем, что изменится в ней через секунду, когда получит ответ.

Таши задержала взгляд на Анне. Секунда, когда что-то решалось.

— Ваш отец работал с нами.

Анна не двинулась. Но пальцы прижались к столу плотнее — ища опору. Сергей это видел.

— Мы направляли его исследования. Дали информацию о Ришате. Частоту.

Анна положила ладонь на стол — плашмя. Костяшки белые.

— Направ... — Слово сорвалось. Она начала заново. — Вы дали ему карту. В место, откуда он не вышел. И это вы называете... — Не закончила. Не смогла. Сглотнула.

— Да.

— И не сказали о рисках.

— Мы не знали о тех рисках. Знали, что за ним следят. Что произойдёт там, внутри, если они столкнутся, — не предвидели. — Тише. — Это наша ошибка.

— Что произошло?

— Они вошли следом. Пытались активировать через вспомогательный контур. Без ключа. Ваш отец понял. Вошёл остановить. Вынул ключ из ниши.

Анна закрыла глаза. На секунду. Открыла.

Сергей ощутил, как сжалось — не в груди, ниже, в животе. Рефлекс тела на плохое. Проглотил.

— Намеренно?

— Думаем, да. Когда ключ вынут в момент активации — поле схлопывается внутрь. Образуется стабильная точка. — Долгая остановка. — Он оказался внутри.

— Внутри чего.

— Стабильная полевая точка. Тот же мир — другой ход времени. Для него прошло значительно меньше.

Анна смотрела на ключ. Тёмный металл с холодным синим отливом. Предмет, который был в руках её отца. Который он вынул, чтобы остановить то, что нельзя было не остановить.

Сергей думал: двадцать лет она несла это, не зная. Не могла горевать — не было уверенности, что не с кем. Не могла отпустить — не было уверенности, что нужно. Просто держала открытым. Каждый день.

Она взяла ключ. Сжала.

Снаружи — дождь, трамвай, чужой разговор по-турецки. Остальной мир жил своим.

— Он жив? — Голос ровный. Сергей видел, чего ей это стоит: костяшки на сжатой руке побелели.

— Думаем, да. Точка стабильна. Что внутри неё — стабильно тоже.

Анна не ответила сразу. Поставила локти на стол, прижала пальцы к вискам. Поддержала так. Потом опустила руки, очень ровно положила их по обе стороны от ключа.

Выдохнула — длинно, через нос.

— Двадцать лет вы это знали.

— Двадцать лет пытались исправить. Поэтому пакет. Нужен был ключ и человек с мотивацией, которой нет ни у кого другого.

— Вы использовали меня.

— Я воспользовалась тем, что у вас есть. — Без защиты. — Это моя ошибка, и я её признаю.

Анна смотрела на неё. Молчала пять секунд, десять. Пальцы на столе сжались в кулак, разжались.

— Вы несёте за него ответственность.

— Да.

— Тогда помогите мне его вернуть.

— Именно поэтому я здесь.

Первый раз за разговор — не противостояние. Только тяжесть, легшая туда, куда должна.

— Как?

— Тогда слушайте внимательно. Повторять не будет времени. — Таши помедлила. — Ришат генерирует. Гиза передаёт.

— А третья точка? — спросила Анна.

— В Аравийской пустыне. Управляет. Без неё первые две работают вслепую.

— Тогда почему мы летим в Каир, а не в Аравию? — Сергей подался вперёд.

— Потому что они идут в Каир. И мы должны быть первыми. — Таши посмотрела на обоих. — У нас несколько дней. Я бы не стала тратить их на недоверие ко мне. Недоверие справедливое. Просто сейчас бесполезное.

— Кто они? — спросил Сергей.

— Технократы. Корпорации, фонды. Роберт Коулмэн. Умный, терпеливый. Считает, что цель оправдывает методы.

— Я видела его один раз, — добавила Таши, уже взявшись за пальто. — Десять лет назад, на конференции. Он не спорил, не давил. Просто задавал вопросы — тихо, по одному, пока собеседник сам не приходил к тому, что нужно было Коулмэну. Самый опасный тип. Те, кто кричит, сразу видны. А он — нет.

— Звучит почти как комплимент, — заметил Сергей.

— Это и есть проблема, — сказала Таши. — Он не злодей. Он хуже. Он уверен, что прав. Поднялась.

— Каир. Ночным рейсом.

Анна убрала ключ — медленно, аккуратно. Встала.

— Одна вещь. — Таши смотрела на неё. — Координаторы хранят это место сотни лет. Я — двенадцать. До меня другой человек, двадцать. Каждый думал об одном: ваш отец там, нужно найти способ. Я рада, что вы нашли.

Анна кивнула. Коротко.

На улице дождь усилился. Брусчатка блестела.

— Ты в порядке? — спросил Сергей по дороге к такси.

— Да. — Она не торопилась, хоть и дождь. — Раньше было «может быть». Теперь точно. Это другой вес.

— Лучше или хуже?

— Лучше. — Без колебаний. — Всегда лучше знать.

У двери задержалась на секунду — рука к карману рюкзака. Один раз. Не задумываясь.

Глава 13. Каир

Каир в три часа ночи — не тот город, что в путеводителях.

Путеводители показывают дневной Каир — хаотичный, цветной, перегруженный. Ночной другой: не спит, но спит иначе — замедленно, тяжело. Запах меняется: днём выхлоп и специи, ночью пыль, нагретый камень, вода из канала. Запах места, которое старше любого города на земле.

Их встретил Камаль. Без таблички — стоял в нужном месте. Невысокий, быстрый, с привычкой говорить негромко и без вступлений — человек ситуаций, где лишние слова стоят дороже полезных. На запястье — старые часы с потрескавшимся ремешком; он поглядывал на них не как нервный человек, а как тот, для кого время — это инструмент, как и всё остальное.

— Технократы прилетели вчера. Двадцать человек, геофизическое оборудование, буровая, — сказал он в машине. — Ночью идут под Гизу.

— Охрана?

— Куплена. Больше, чем мы думали. У них хорошие деньги.

— Сколько у нас?

— Часов двенадцать. Может, десять.

«Пока» — Сергей запомнил это слово ещё в Стамбуле. Теперь «может, десять». Каждый раз цифра меньше.

Отель на острове Замалек. Из окна — Нил, тёмный, широкий, равнодушный. Камаль разложил карту — рукописную, координаты от руки.

Нора сидела у окна — они встретили её в вестибюле, приехала час назад. Когда вошли — повернулась.

— Рада вас видеть. — Просто, без лишнего. — Знаю маршрут. Покажу сама.

Нора — координатор двенадцать лет. Знает каждый вход, каждый коридор. Знает это место, как знают то, чему посвятил жизнь.

— Вы были там? — спросил он. — Под Гизой.

— Три раза. — Короткая остановка. — И каждый раз место было другим. Оно помнит, кто приходит. — Это прозвучало не как метафора. Как факт, проверенный трижды.

— Северный периметр. Пять утра. — Палец в точку. — Охрана меняется. Окно двадцать минут, не больше.

— Технократы знают?

— Они через другой периметр. Купленный. — Тише. — У вас есть окно, которого нет у них. Пока.

Андре чертил на полях карты. Анна сидела у окна, рюкзак на коленях.

Камаль свернул карту.

— Скажу про Коулмэна. — Тихо, как говорят, когда хотят, чтобы слушали. — Не дурак. Не жестокий. Человек, который очень долго что-то строил и верит, что это важно. — помедлил. — Такие опаснее тех, кто просто хочет денег.

— Почему? — спросила Анна.

— Деньги кончаются. Человек с деньгами останавливается, когда дорого. Человек с идеей не останавливается никогда. Я таких видел. Хороните потом и тех, и других, но идейных — чаще.

Сергей подумал: Камаль знает это не из книг. Из практики. Из того, что видел сам — и о чём не рассказывает.

А в это время в другом отеле, на западном берегу Нила, Роберт Коулмэн не спал.

Он сидел перед тремя мониторами — данные с-под Гизы, спутниковые снимки, расшифровки. Шестьдесят два года, тридцать из них он строил организацию на одном принципе: кто первым понимает технологию, тот определяет, как ею пользуются. Не для денег — деньги были давно. Для контроля. Контроль в правильных руках лучше хаоса в благих.

Он смотрел на схему Ришата и испытывал не алчность — почти нежность. Кто-то построил это, чтобы оно ждало. Терпеливо, тысячи лет. Коулмэн уважал терпение. Сам был терпелив.

Координатор из Каира уже вывел их через северный периметр — это он понял по перехвату десять минут назад. Опять впереди. Что ж: пусть идут первыми. Они откроют дверь, его люди войдут следом. Так было в Мавритании. Так будет здесь.

Оставался один вопрос, который он не задавал вслух даже себе. А если они снова вынесут ключевой элемент — как в Ришате? Тогда сценарий рушился. Тогда у него не оставалось ничего, кроме разговора.

Коулмэн поймал в тёмном экране своё отражение. На секунду в нём мелькнуло то, что он никому не показывал: не злость — усталость человека, который слишком долго оказывается прав. Тридцать лет он строил так, чтобы не зависеть ни от чьей доброй воли. И впервые ловил себя на том, что хочет проиграть гонку — лишь бы наконец встретить того, кто понимает это лучше него.

Позже, когда остальные разошлись, Камаль задержался. Достал из кармана мятую пачку, не закурил — просто держал в руках, мял уголок.

— Бросил три года назад, — сказал он, не глядя на Сергея. — Ношу с собой. Глупо. — Убрал пачку. — Каждый держит что-то такое. Что напоминает: можешь, если решишь.

— Успеем? — спросил Сергей.

— Если выйдем в пять. — Камаль встал. — Спите. Разбужу.

Сергей вышел на балкон. Ночной Каир внизу — не спящий, а замедленный. Редкие огни на том берегу. Минарет, подсвеченный снизу. Где-то лаяла собака, ей отвечала другая, дальше. Запах Нила — ил, вода, что-то растительное и древнее.

Двадцать миллионов человек спали или не спали в этом городе. Ни один из них не знал, что в нескольких километрах под плато Гиза есть зал, который дышит. Что туда сегодня ночью спустятся люди с буровой установкой — и другие люди, без буровой, но с ключом. Город жил своей жизнью, огромной и равнодушной к тому, что под ним.

Так было всегда. Хранитель лёг в нишу — и над ним вырастали и рушились цивилизации, ни одна не знала. Знание шло тонкой нитью, от координатора к координатору, через столетия. Таши. Нора. Тот, кто был до Таши. А теперь нить дотянулась до него — до человека, который три месяца назад ел роти на тайском пляже и думал, что с большими историями покончено.

Он тихо усмехнулся. Ну вот и покончено.

Анна подошла молча. Встала рядом.

— Боишься? — спросил он.

— Нет. Боялась, пока не знала. Теперь — просто нужно сделать.

— Ты уверена, что он там.

— Ключ тёплый. Ключ был в его руках. Если бы его не было там — ключ не был бы тёплым. — Смотрела на реку. — Это не логика. Но я знаю.

Анна ушла спать. Сергей остался — ещё пятнадцать минут над Нилом. Думал о хранителе. О том, какое намерение нужно, чтобы лечь в нишу лицом к выходу и ждать тысячи лет.

Часов двенадцать. Может, десять.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ЕГИПЕТ

Глава 14. Под Гизой

Плато до рассвета — другое.

Пирамиды в темноте — просто массы. Огромные, геометрические, без лица. Никакого романтического «под звёздами» — просто камень, лежащий здесь очень долго. Сергей задрал голову: вершина уходила в темноту и исчезала. Он не находил верхней точки. Это не было красивым — это давило. Он ощутил это телом: как меняется что-то в осанке, когда стоишь рядом с тем, что больше тебя не в переносном, а в прямом смысле.

Нора провела их к небольшому углублению у основания, в стороне от туристического входа.

— Двое египетских учёных, сорок девятый год. — Ровно, как справку. — Один умер через три месяца. Второй молчал до конца жизни. Дочь говорила: папа видел нечто, чего не следовало видеть. Не запрещённое — просто слишком рано.

Анна поднесла ключ к камню.

Ничего — пять секунд. Сергей считал.

Потом под ногами движение. Не вибрация — что-то глубже, идущее не через ноги, а сразу через всё тело. Три каменных блока медленно ушли в стороны. Беззвучно — ни скрежета, ни гула. Просто камень двигался там, где камень двигаться не должен.

Из-под камней — воздух. Свежий. Металлический привкус — тоньше, чем в Ришате.

Спустились.

Коридор — не та порода, что снаружи. Тёмное, почти чёрное, с отблеском. Орнамент другой — не тот базовый элемент, что в Ришате, но родственный. Другой диалект того же языка. Сергей провёл пальцем по стене — тепло. Не холодный камень, каким должен быть на такой глубине. Живой.

Коридор шёл горизонтально — пятьдесят метров. Фонари давали узкие полосы. Орнамент менялся: ближе к центру узоры сложнее, элементы крупнее. Язык, который становится богаче чем глубже.

— Нора. Те двое в сорок девятом — они видели это?

— Видели зал. Поле. Один написал в отчёте одно слово, прежде чем замолчать навсегда: «живое». — Не замедлялась. — Теперь вы сами увидите.

Помещение за поворотом открылось сразу — без нарастания, без прохода. Только что был коридор — и вот зал, словно кто-то убрал стену между двумя мыслями.

Зал под Гизой был больше ришатского. И старше — это чувствовалось не разумом, а чем-то в основании черепа. Если Ришат был механизмом, то здесь работало что-то ближе к органу. Купол уходил во тьму — фонарь не доставал верха. Под ногами по всей площади шёл орнамент, и в слабом свете казалось, что линии медленно перетекают, хотя камень был неподвижен.

Сергей стоял в дверях и не мог заставить себя сделать первый шаг. Не страх — почтение, какое бывает в очень старых соборах, где воздух плотнее от того, сколько людей здесь стояло до тебя. Только здесь до него стояли не люди. Или люди — но такие, от которых не осталось имён.

Сергей замер в дверях. Не от страха — тело само не пошло дальше. Как в Ришате, в зале с устройством: что-то в нём узнавало масштаб раньше, чем разум успевал назвать.

Воздух здесь был другой плотности. Он чувствовал это горлом при каждом вдохе — будто дышишь не воздухом, а чем-то гуще, живее.

И ещё — уши. Заложило, как при спуске на лифте. Сергей сглотнул, не помогло. Сглотнул ещё. Давило не снаружи — изнутри, из-за барабанных перепонок. Тело понимало, что попало куда-то, где правила другие, раньше, чем это понял разум.

Горизонтальная плита в центре — широкая, в орнаменте. Над ней — поле. Голубоватое, пульсирующее. Видимое. Воздух над плитой плотнее, живее — у него было собственное медленное дыхание.

Нора присела у плиты, провела пальцем по орнаменту.

— Это не украшение. Это схема. — Палец по линиям. — Ришат. Гиза — мы здесь. Третья точка — Аравийский полуостров. И дальше. — Обвела большой участок. — Ещё точки. Я насчитала восемь только на этом фрагменте.

— Аравию я вычислил ещё в Касабланке, — сказал Андре, уже расставляя датчики. Руки работали отдельно: он мог говорить, ходить и расставлять приборы одновременно — его режим.

Сергей присел рядом. Провёл пальцем по камню — тёплый, не от тела, от самого орнамента. Под поверхностью шла тихая работа.

— Сколько всего точек в системе?

— Не знаем. Карта не полная. Или мы не полностью её понимаем. — Нора встала. — Поэтому нужен Ришат. Там ключ, там генерация. Здесь только узел передачи. Сигналы сходятся и распределяются дальше. Аравия — управление.

Давление в ушах — сразу. Мягкое, ровное. Как при наборе высоты, только изнутри.

Запах постоянный, фоновый — будто он здесь всегда. Он и был здесь всегда — просто никто не заходил достаточно давно, чтобы проверить.

Сергей протянул руку к полю — не касаясь.

Мурашки по всей руке, мгновенно. Не от холода. Как будто поле замечало руку и что-то с ней делало — не больно, не приятно, просто делало. Убрал руку — прошли. Снова протянул — снова пришли.

Что-то в этом было похоже на разговор. На самый начальный его этап — когда ещё нет слов, только присутствие.

Нора следила за его рукой. — Теперь понимаете, почему те двое молчали.

Анна провела рукой по орнаменту — там, где Нора не показывала.

— В Ришате я нашла такой же паттерн. Вот это — частота. Вот это — направление передачи. — Палец остановился. — А здесь усложнение, которого в Ришате не было. Узел читает все точки сразу.

— Через двадцать минут дам точные координаты Аравии, — бросил Андре. — Интерференционная картина. Знаешь две точки — третья вычисляется. Три точки — замкнутый контур. Вместе работают иначе, чем по отдельности.

Три удара сверху. Резкие.

— Чёрт.

Потом голоса. Несколько человек. Деловитый английский — команды, цифры.

— Раньше срока, — сказала Нора. — Им позвонили. Кто-то из охраны.

— Уже внутри?

— Нет. У входа. Минуты две, три.

Андре закрыл ноутбук одним движением.

— Второй выход. — Анна уже шла к стене.

Ключ к противоположной стене. Три секунды — блок сдвинулся. Тёмный проход.

— Быстро.

Вошли. Сзади — голоса. Английский, деловитый. Те же.

Глава 15. Нора

Микроавтобус ждал снаружи. Нора за рулём — просто открыла дверь.

Через ночной Каир ехали молча. За окном — огни, переулки, люди в четыре утра, занятые своими делами.

— Данные снять успел. — Андре не отрывался от ноутбука. — Интерференция подтверждает Аравию. Погрешность пятнадцать километров. — Не ответил сразу. — Они тоже успели снять. Расшифруют быстро — получают координаты раньше нас.

Сказано ровно. Андре умел говорить ровно о плохом — не потому что не задевало, а потому что тратить силы на интонацию, когда нужно думать, казалось ему расточительством.

В доме Нора за городом — карты на стенах. Двадцать две синие точки по всему миру.

Сергей встал перед ними. Ришат. Гиза. Наска. Гёбекли-Тепе. Ангкор. Тианшань.

В каждой точке кто-то видел что-то и не мог объяснить. В каждой замуровал вход, засекурил отчёт, молчал до конца жизни. Хранитель лёг в нишу лицом к выходу и ждал. Цепочка, уходящая вглубь времён.

— Это всё система?

— Которую мы знаем. — Нора провела пальцем по карте. — Реальных точек больше.

Следующую фразу она сказала буднично — как говорят о том, что знаешь давно. Но Сергей услышал иначе:

Нора не ответила сразу. Подошла к карте, сняла одну из булавок — ту, что втыкала, наверное, сотни раз. Поддержала в пальцах.

— Мой предшественник умер, не сказав мне последнего. Я двенадцать лет достраивала сама. — Воткнула булавку обратно. — Люди. Не пришельцы. Предыдущие. Очень развитые, очень давно. Оставили это — и ушли или исчезли. Я не знаю куда. Никто не знает. Это единственное, чего я боюсь во всём этом: не того, что они были. Того, что с ними стало.

Он стоял перед картой. Предыдущая человеческая цивилизация. Люди, которых нет. Ни городов, ни костей, ни письмен — ничего, кроме точек на карте и орнамента на стенах подземных залов.

Огромно настолько, что мозг брал частями. Вот одна: они были. Вот другая: их нет. Вот третья: они думали о тех, кто придёт. О нас. Четвёртая не шла. Может, потом.

— Сколько лет они существовали?

— Не знаем. Следов почти нет. Либо не оставляли специально, либо следы ушли вместе с ними. Тогда уровень океана был ниже — многое из того, что было сушей, сейчас под водой.

— Это объясняет, почему не нашли раньше, — сказал Андре. — Искали не там.

Анна стояла у стола, не садясь. Ключ перед ней.

— Нам нужно разделиться, — сказала она.

В комнате стало тише. Нора подняла взгляд. Андре закрыл ноутбук.

— Я иду в Ришат. С ключом. Там папа. Я знаю, что делать там. — Смотрела на Сергея прямо, без отведённого взгляда. — А ты — в Аравию. Когда я активирую систему в Ришате, управляющий центр должен принять намерение. Конкретное. Личное. Ты держал в руках то, что держал он. Ты видел его записи.

Это был момент, когда он понял: она приняла решение давно. Может, ещё в самолёте из Стамбула. Дала ему время дойти самому — не торопила. Это тоже было в ней: понимать, что человеку нужно время.

— Это одновременно.

— Да. Иначе не сработает. Ришат открывает точку — управляющий центр должен принять намерение в тот же миг. — Глаза в глаза. — Я не знаю, справишься ли. Думаю, да. Но не знаю.

— Это честно.

Она кивнула.

— Если скажу нет?

— Тогда пойду одна. В обе стороны не смогу. Выберу Ришат. Потому что папа.

Молчание. Андре глядел на экран. Нора у карты не вмешивалась — понимала: это разговор двоих, в который не входят.

Сергей думал. Не о системе — о человеке. Записи профессора. Почерк: левша, наклон вправо, «Д» как печатная. Последняя строчка — «Вхожу». Без колебаний.

Его дочь стоит здесь и смотрит на него. Двадцать лет держала открытым. Это и есть намерение — конкретное, личное, незаменимое.

И всё-таки он медлил. Не из страха — из честности. Аравия, управляющий центр, неизвестное поле, и от него зависит, вернётся ли человек, которого он никогда не видел. Если он ошибётся — Анна потеряет отца во второй раз. Уже окончательно. Этот вес он подержал в руках несколько секунд — по-настоящему, не отмахиваясь.

Потом поставил его рядом с другим: она идёт в Ришат одна, если он откажется. И тогда вес станет её. Целиком.

— Хорошо.

Анна кивнула — один раз, коротко.

— Сергей. — Тихо, почти для себя. — Что бы ни случилось — то, что ты сделал в Ришате, уже достаточно. Ты нашёл вход. Взял ключ. Ты здесь.

— Получится.

Кивнула снова. Не потому что поверила — потому что он сказал.

Потом обняла — крепко, обеими руками. Не ритуал — что-то другое. Как держат то, что боятся потерять и всё равно нужно отпустить.

— Найди его, — сказала у плеча. Шёпотом.

— Найду.

Отступила быстро — как отступают, зная: если не быстро, то не отступишь. Взяла рюкзак.

Глава 16. Разделение

Аэропорт Каира в пять утра. Пустой. Гулкий. Свет слишком белый.

Анна — в Нуакшот через Касабланку. Сергей и Андре — в Эр-Рияд.

У выхода на посадку она остановилась. Обернулась. Подошла.

Достала из кармана куртки листок — небольшой, сложенный вчетверо. Протянула.

— Его привычки. — Ровно, без интонации — именно так передают то, что иначе сказать нельзя. — Левша. Наклон вправо. «Д» как печатная. Пьёт кофе, не чай — говорил: чай это горячая вода с претензиями. Слушает так, что чувствуешь: то, что говоришь, важное. — Помолчала. — И последнее, что записал: «История — это не то, что было. Это то, что ещё не нашли».

Сергей взял листок. Она передавала ему отца — через детали, через привычки, через одну фразу. Единственный способ передать человека, которого сам не видел.

За ровным голосом — всё её ожидание. Он это слышал.

— Помню.

Убрал листок в нагрудный карман. Рядом с тем, другим. Теперь там было два.

Она смотрела на него секунду. Что-то спокойное и очень конкретное в лице. Как смотрят, когда доверяют без условий и знают, что другого варианта нет.

Кивнула. Повернулась. Сделала три шага к выходу на посадку — и на четвёртом остановилась. На секунду. Не обернулась — просто стояла, спиной, опустив плечи. Сергей видел только спину, но этого хватило: там, где никто не смотрел в лицо, она позволила себе одну секунду быть не сильной.

Потом плечи выпрямились. Она пошла дальше. Ушла не оборачиваясь — это была её манера: уходить первой, чтобы не пришлось уходить последней.

Эту секунду — спину, опущенные плечи — он не расскажет ей никогда. Он запомнил. Не рассказал.

Сергей провожал взглядом, пока она не скрылась за поворотом. Потом ещё секунду — на пустой коридор.

Подошёл Андре.

— Найдёт его? — тихо.

— Да.

— Откуда уверенность?

— Потому что держала открытым двадцать лет. Такие находят. — Сергей взял рюкзак. — Идём.

В самолёте на Эр-Рияд Андре молчал. Ноутбук закрыт — не открывал. Глядел в иллюминатор. Большой палец медленно ходил по обручальному кольцу — туда-обратно. Сергей уже знал, что это значит: думает о доме.

— Я отправил письмо Мари. Когда ждали рейс. Наконец.

Сергей ждал.

— Написал: не умею быть дома, когда знаю, что есть данные, которые никто не снял. Болезнь это или призвание — не решил. Но хочу попробовать иначе. Когда вернусь.

— Ответила?

— «Жду». — Пауза. — Одно слово.

— Мари — учитель музыки? Ты говорил.

— Да. — Андре не сразу продолжил. — Говорит, умеет слышать то, что между нотами. Паузы важнее звуков. Слышит то, что я не говорю, лучше, чем то, что говорю.

— Тогда она поняла письмо правильно.

— Я тоже так думаю. — Андре дал тишине повисеть. — Двадцать три года вместе. Из них я был дома, может, половину. Она не жаловалась. Однажды сказал ей: прости. Она ответила — за что? Ты такой, какой есть. Я знала, за кого выхожу. — Палец прошёл по кольцу. — Это хуже, чем если бы жаловалась. Когда человек принимает тебя целиком, ты остаёшься должен. Навсегда.

— Я тоже так думаю.

— Андре. Когда система заработает полностью — что изменится?

Не отвечал сразу.

— Фоновый сигнал. Если Андре прав — он работал тысячи лет, незаметно. Теперь, может быть, с пониманием. Люди будут знать, что это существует. Это другое.

— Лучше или хуже?

— Не знаю. Смотрю на нас. Мустафа — всегда оставался наверху. Анна — двадцать лет держала открытым. Ты встал в правильном месте. Я просто замерял и верил данным. — Задумался. — Кажется, справимся.

Под самолётом — Красное море. Потом Аравийский полуостров: коричневый, каменистый, огромный.

— А ты сам — веришь в то, что мы нашли?

Андре повернулся.

— Я видел данные. Видел зал под Гизой. Стоял там, где прибор показывал поле, которого не должно существовать. — Тише. — Я не верю. Я знаю.

— Это разные вещи.

— Очень разные. Вера — это когда доказательств нет, но ты принимаешь. Знание — когда доказательства есть и ты не можешь не принять. — Закрыв глаза. — У меня доказательства.

— А ты? — спросил Андре. — У тебя есть свой человек? Который ждёт?

Сергей подумал о Нае. О розовом чехле телефона, который остался в Ча-аме. О «Буду ждать» — будущее время, выбранное намеренно.

— Есть. — Короткая остановка. — Я только недавно понял, насколько.

— Это хорошо или плохо?

— Раньше думал: для такой работы лучше быть одному. Меньше теряешь. — Сергей смотрел в иллюминатор. — Враньё. Я всегда уходил первым — чтобы не остаться стоять, когда уйдут другие. Удобно называть это работой.

— А теперь?

— А теперь лечу искать чужого отца и впервые думаю не о том, как уеду потом, а о том, к кому вернусь. — Усмехнулся. — Поздновато. Тридцать семь стукнуло в сентябре.

Андре кивнул — медленно, как соглашаются с тем, к чему сам пришёл давно.

Сергей смотрел вниз. Держал в голове: левша, наклон вправо, «Д» как печатная. Человек, который вошёл в Ришат, потому что нельзя было не войти. Который, может, прямо сейчас думает: задержался. Скоро найду выход.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. АРАВИЯ

Глава 17. Салем

Руб-эль-Хали. Шестьсот пятьдесят тысяч квадратных километров. Дюны до трёхсот метров. Температура поверхности — за семьдесят. Горизонт одинаковый со всех сторон.

Салем ждал в аэропорту Эр-Рияда. Лет пятьдесят, худой, с глазами человека, прожившего в пустыне всю жизнь — такие глаза умеют смотреть далеко и видеть то, чего горожанин не замечает: движение воздуха, изменение цвета горизонта, разницу между пыльным столбом и столбом от машины. Не мистика — привычка десятилетий. Пожал руки без лишних слов. На координаты глядел долго.

— Знаю этот район. Два дня езды.

— Едем.

По дороге Салем рассказывал — не потому что спрашивали. У него была манера: говорить, глядя на дорогу, и замолкать на полужразе, если что-то на горизонте требовало внимания. Потом продолжать с того же места.

— Там скот не идёт. Птицы стороной. Ветер другой. Дед говорил: место дышит. Не как живое — иначе. Помнит что-то.

— Огни видел?

— Дед — да. Синие, ночью. Я нет. Но однажды слышал звук. Низкий, под землёй. Как барабан очень далеко.

— Когда?

— Лет двадцать назад. Один раз.

Сергей слушал. Мустафа говорил то же — синие огни, запах озона, ощущение места. В Мавритании. Теперь в Аравии — тот же разговор, другой человек. Их деды видели одно и то же на расстоянии тысячи километров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.